

© 2019 Ушаков Олег Викторович
Ushakov Oleg Viktorovich

кандидат юридических наук, директор
юридического управления Среднерусского банка
ПАО Сбербанк

Candidate of Law, Director of the Legal Department,
Central Russian Bank of PJSC Sberbank

E-mail: o.v.ushakov@yandex.ru

УДК 347.41

КОНВАЛИДАЦИЯ НИЧТОЖНЫХ СДЕЛОК В ИНТЕРЕСАХ ДОБРОСОВЕСТНЫХ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВ

CONVALIDATION OF DESTRUCTIVE TRANSACTIONS IN THE INTERESTS OF GOOD PARTICIPANTS OF CIVIL TURNOVER OF PROPERTY MANDATORY RIGHTS

Ключевые слова: конвалидация сделки, ничтожная сделка, добросовестность, недобросовестная сторона сделки, исцеление сделки, добросовестный приобретатель, уступка права требования, цедент, цессионарий.

Keywords: I Convalidation of a transaction, void transaction, good faith, not in good faith party to a transaction, healing of a transaction, bona fide purchaser, assignment, assignor, assignee.

Статья посвящена проблемам признания ничтожной сделки действительной в контексте правового феномена добросовестного приобретения имущества. Автор предлагает расширить сферу защиты добросовестного приобретателя, распространив ее за пределы гражданско-правового оборота вещей. В статье предпринята попытка обосновать возможность исцеления недействительной сделки, в результате которой добросовестный цессионарий получил имуществом обязательственное право от неуправомоченного на то цедента. На основе анализа содержания ст. 390 ГК РФ автор приходит к выводу, что при двойной уступке одного и того же права принцип старшинства конкурирующих цессионариев действует не всегда. Закон освобождает от негативных имущественных последствий добросовестного цессионария, не имеющего приоритета старшинства, при условии вручения ему исполнения со стороны должника и, следовательно, признает именно за ним преемство в цессированном праве. Обоснованный расчет такого цессионария на управомоченность контрагента делает его заблуждение относительно действительности ничтожной сделки извинительным в контексте ст. 166 ГК РФ, что позволяет применять механизм конвалидации.

Given article is devoted to the issues that arise in case of recognition of a void transaction as a valid one. The author suggests to consider bona fide purchaser's right to remedy in a broader context. An attempt is made in the article to reason the possibility of healing an invalid transaction as a result of which bona fide assignee takes property interest from the unentitled assignor. Based on the analysis of the content of the sec. 390 of Russian Civil Code the author concludes upon double assignment of the same right the concept of precedence of competing assignees is not always in effect. Under the law the assignee that does not have privilege of priority is exempted from liability providing that the debtor performs his obligation and therefore acknowledges the rights of an assignee under the assignment agreement. Under the sec. 166 of Russian Civil Code misrepresentation of assignee about the unentitled party not always results in nullity of the assignment agreement but rather allows to apply the concept of convalidation.

1. Конвалидация сделок и добросовестное приобретение имущества как взаимосвязанные правовые явления.

Добросовестное приобретение вещей и имущественных прав как правовое явление присутствует в законодательстве имплицитно, не явно. Нет разработанной системы общих, универсальных правил. Встречаются лишь фрагментарные правовые положения, относящиеся к обособленным сферам регулирования. Так, можно говорить о добросовестном приобретении вещей (п. 1 ст. 302, абз. 2 п.2 ст. 223 ГК РФ) [1], залоговых прав (п. 2 ст. 335 ГК РФ) [1], корпоративных прав (п. 3 ст. 65.2 ГК РФ [1], п. 17 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью") [2], бездокументарных ценных бумаг (ст. 149.3 ГК РФ) [1] и, осмелимся предположить, - обязательственных прав (абз.2 п. 4 ст. 390 ГК РФ) [1].

Поскольку добросовестное приобретение имущества происходит от лица, не управомоченного на его предоставление, оно, стало быть, - всегда имеет своей предпосылкой ничтожную сделку. Это противоречие могло быть преодолено имплементацией пункта 5.1.4 Концепции развития гражданского законодательства [3], где предлагалось "...допустить возможность исцеления (конвалидации) в некоторых случаях ничтожных сделок" ... "в интересах добросовестных участников гражданского оборота".

Надо сказать, что явление конвалидации является в значительной степени экстраординарным [4], поскольку с точки зрения общих доктринальных подходов ничтожность неисцелима. Соответственно, весь скудный набор имеющихся законодательных примеров конвалидации принято рассматривать в качестве редчайшего исключения.

Сами эти примеры (п.1 ст. 165, п. 2 ст. 171, п. 2 ст. 172 ГК РФ) [1] достаточно известны и описаны в литературе [5, с. 145-146].

По доминирующему подходу суть исцеления "состоит в придании ничтожной сделке юридической силы с момента ее совершения" [6, с. 169]. То есть конвалидация имеет ретроактивный эффект (*ex tunc*).

Разумно предположить, что движение намеченным курсом законодательных изменений приведет к появлению вместо вышеприведенных "точечных" решений некоей "универсализированной" модели конвалидации, переориентированной к пользе добросовестных участников сделок. К сожалению, прообраз этого грандиозного замысла пока смутно просматривается разве что в норме пункта 5 ст. 166 ГК РФ [1], которая лишает правового значения заявление о недействительности сделки, если заявитель

действует недобросовестно. Однако подразумевается ли здесь исцеление самой ничтожной сделки, законодатель предпочел не уточнять.

Вообще этот своеобразный законодательный прием паллиативных решений весьма распространен в сфере защиты добросовестных участников сделок. Так было в случае с уже упомянутым п. 1 ст. 302 ГК РФ [1], так случилось и с абз.2 п. 4 ст. 390 ГК РФ [1] (но об этом чуть позже). Не стала исключением и норма п.5 ст. 166 ГК РФ [1]. Во всех этих нормах материально-правовая идея законодателя сокрыта описанием поверхностного процессуального механизма.

Попробуем разобраться, что имел в виду законодатель. Благо при всей остроте разногласий и критики нормы п. 5 ст. 166 ГК РФ [1] и доктрина, и судебная практика и законодатель в лице авторов законопроекта) проявляют завидное единство в вопросе о ее распространении не только на оспоримые, но и на ничтожные сделки [7]. В пояснительной записке к Федеральному закону от 07.05.2013 № 100-ФЗ "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" прямо говорится, что "указанное ограничение относится как к оспоримым, так и к ничтожным сделкам" [8], а аналогичная позиция Верховного Суда РФ изложена в п. 70 Постановления Пленума от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" [9].

Понятно, что как раз применительно к ничтожным сделкам вопрос о последствиях игнорирования судом факта ничтожности, приобретает наибольшую остроту. Диапазон точек зрения здесь просто огромен [10;11;12;13]. В ряду версий, конечно, присутствует и конвалидация. Однако, эта гипотеза не очень популярна. Причина этого проста. Формально получается, будто ничтожность исцеляется благодаря манипуляциям именно недобросовестной стороны [7], причем иногда в противовес интересам третьих лиц, желающих признания сделки недействительной [13]. Главное опасение - обесценить охранительный смысл ничтожности сделок широтой применения конвалидации, - побуждает цивилистов искать критерии, ограничивающие сферу применения нормы для профилактики случаев имитации модели гипотезы нормы для достижения эффекта исцеления заведомо ничтожной сделки [13].

Очевидно, что без ограничительного толкования нормы действительно не обойтись. Вместе с тем, попытки использовать в качестве ограничительного критерия видовой признак сделок, ничтожность которых возможна к конвалидации по п.5 ст. 166 ГК РФ [1], вряд ли окажутся плодотворными. Поскольку дело не в разновидностях сделок.

Стоит обратиться к самой конструкции нормы. Дело в том, что для наступления предусмотренного ею эффекта важно, чтобы поведение контрагента после заключения сделки давало основание полагаться на ее действительность. Если мы говорим о сделке ничтожной, "полагаться на действительность" не означает простой расчет на неоспаривание со стороны контрагента. У добросовестной стороны сделки должно присутствовать извинительное заблуждение о действительности, инспирированное поведением контрагента. Когда это возможно? Очевидно главным образом, - когда противоречие закону с фактологической стороны не очевидно и контрагент ведет себя как инициатор вполне законной сделки, например - как обладатель отчуждаемого имущества, в действительности таковым не являясь.

То есть наиболее ожидаемой сферой применения нормы должны стать как раз случаи совершения сделки с неуправомоченным отчуждателем права, где отсутствующее правопереносящее полномочие недобросовестной стороны восполняется добросовестностью ее контрагента посредством конвалидации. Эти случаи мы уже упоминали (п. 1 ст. 302, п. 2 ст. 335, абз. 2 п. 4 ст. 390 ГК РФ [1], п. 17 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" [2] и т.д.).

Именно в этой сфере эффект конвалидации достижим и приемлем с точки зрения резистентности системы защиты гражданского оборота. Как правильно заметил М.А. Церковников [14] буквальное прочтение правила п. 5 ст. 166 ГК РФ означает, например, что "продавец, исполнявший договор продажи чужого и создавший тем самым для покупателя и третьих лиц видимость его действительности, не может ссылаться на то, что у него отсутствовала юридическая возможность распоряжаться проданной вещью".

Таким образом, явление конвалидации ничтожных сделок имеет прямую и неразрывную связь с феноменом добросовестного приобретения имущества от неуправомоченного лица.

Сформулировав эти отправные тезисы, сосредоточимся на проблеме добросовестного приобретения обязательственных прав, анонсированной нами в начале. Обязательственные права с точки зрения гражданско-правовой классификации - объект наиболее близкий к вещам. А феномен добросовестного приобретения вещей изучен, пожалуй, в наибольшей степени, что позволит прибегнуть к методологии экстраполяции выводов.

Итак, фокус нашего внимания сужается до случаев сингулярного правопреемства, где типовое основание перехода права (цессия) поражено тем или иным пороком правопереносящего полномочия цедента. Чаще всего это случаи повторной уступки одного и того же права - параллельная уступка, или случаи последовательной уступки права, где одно из звеньев в цепочке сделок оказалось разрушенным (недействительность, незаключенность, расторжение и т.п.).

При таких обстоятельствах - важное правообразующее значение придается действиям добросовестного должника по вручению исполнения.

2. Защита добросовестного должника при исполнении ненадлежащему цессионарию.

Понятно, что добросовестность должника имеет значение только в случае ненадлежащего исполнения (пусть даже и признаваемого надлежащим) [15]. Ну а вручение исполнения ненадлежащему лицу приравнивается к неисполнению обязательства [16] (ст. ст. 309, 312, 393 ГК РФ [1]). Именно должник несет риск исполнения ненадлежащему лицу, поскольку выбор адресата исполнения лежит в сфере его контроля [17].

При всей аксиоматичности вышесказанного, это, как ни странно, - лишь общее правило. В случае исполнения цессированного требования ненадлежащему лицу со стороны добросовестного должника маятник распределения рискового бремени принимает противоположное положение возможного диапазона.

Приведем три достаточно красноречивых примера судебной практики. Во-первых это дело, рассмотренное Федеральным Арбитражным судом Северо-Кавказского

округа 17 марта 2003 года (Постановление № Ф08-510/2003) [8], где цедент, оспоривший уступку права, безуспешно пытался заставить добросовестного должника, уже уплатившего долг цессионарию, заплатить повторно. Во-вторых, - Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 18 февраля 2014 г. №14680/13 [8] с двумя ключевыми выводами: а) исполнение денежного обязательства является надлежащим независимо от последующего признания недействительным договора цессии; б) данные правила не подлежат применению, если будет установлена недобросовестность должника.

И, наконец, - Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 03.02.2017 № Ф06-16108/2016, а также акты нижестоящих судов по делу № А57-30286/2015 [8]. Здесь право требования было уступлено дважды, но суд защитил должника, добросовестно уплатившего по оспоренной впоследствии цессии.

Генезис такого подхода - в устоявшихся представлениях об абстрактности цессии. Но принцип абстрактности действует только "при добросовестном поведении сторон; в случаях злоупотреблений право стремится ограничить или исключить его действие" [18]. Ничего странного, как может показаться, в этом нет. Даже классический пример реализации идеи абстрактности - вексельное законодательство - предусматривает аналогичное регулирование. Достаточно обратиться к пункту 17 Положения о переводном и простом векселе (Приложение к Постановлению ЦИК СССР и СНК СССР от 07.08.1937 N 104/1341 "О введении в действие Положения о переводном и простом векселе"[19]) и практике его применения (пункт 9 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.07.1997 г. № 18 "Обзор практики разрешения споров, связанных с использованием векселя в хозяйственном обороте"[8]; пункт 15 совместного Постановления Пленумов Верховного Суда РФ и ВАС РФ №№ 33/14 от 04.12.2000 "О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей"[20]).

Другой классический пример абстрактности - независимая гарантия. Исходя из судебной практики и здесь ровно так же как в предыдущем примере недобросовестность является триггером, запускающим ограничительный механизм. Согласно п. 7 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.06.2019 г. [8], "в том случае, когда бенефициар, получая гарантию, действовал заведомо недобросовестно, то есть если он доподлинно знал об отсутствии законных оснований к выдаче гарантии во время ее получения, гарант, которому предъявлено требование по гарантии, вправе ссылаться на свои отношения с принципалом (ст. 10 Гражданского кодекса)".

Проблема последствий исполнения добросовестным должником ненадлежащему лицу в целом решается аналогичным образом и в зарубежной доктрине. Из уже сформулированного нами общего правила, что "любой, кто заплатил ненадлежащему лицу, обязан платить дважды!" [21, с. 175], также выводятся многочисленные изъятия. Так, бельгийский ученый Ж. Херботс утверждает, что исполнение признается надлежащим, если оно добросовестно сделано лицу, обладавшему правом получения исполнения, но впоследствии лишившемуся его (например, в случае аннулирования

уступки права требования) [21, с. 176]. Сарбаш С.В. приводит подход с еще большей митигацией стандарта требований к должнику, переносящий риск платежа неуполномоченному лицу на кредитора [17], и со ссылкой на Р. Саватье указывает, что платеж ненадлежащему лицу ничтожен, однако закон допускает исключение для тех случаев, когда должник совершил платеж лицу, по всем внешним признакам бывшему кредитором (так называемый путативный кредитор). В этом случае действительный кредитор может только потребовать возмещения ему суммы платежа от того лица, которое получило платеж [22, с. 423].

3. Правовое значение добросовестности цессионария.

Еще более неожиданный правовой эффект наступает, когда добросовестным является не только должник, но и получивший от него исполнение цессионарий. Такой сюжет особенно характерен для, так называемых "двойных" уступок, когда исполнение принимает тот из конкурирующих цессионариев, который не обладает приоритетом "старшинства".

Есть норма, прямо регулирующая спорную ситуацию - абзац второй пункта 4 статьи 390 ГК РФ [1]. Задолго до появления этой нормы в п. 4.1.11. гл. 5 Концепции развития гражданского законодательства[3] предлагалось "определить, может ли приобретатель права требования защищаться" ... "указывая на свою добросовестность" против лица, неосновательно это право утратившего.

Хотя эти предложения касались последовательных, а не "задвоенных" уступок, но направление заданного вектора потребностей в законодательном регулировании, безусловно, не исключает некоторую экстраполяцию на схожие правовые явления.

Комментируя норму абзаца 2 п. 4 ст. 390 ГК РФ [1], многие исследователи сходятся во мнении, что добросовестный цессионарий, не знавший о более ранней уступке, не несет риск исполнения должником уступленного обязательства в свою пользу. Соответственно цессионарий, к которому право на самом деле перешло, не может требовать от него возврата полученного [23, с. 613].

Как видим, и здесь законодатель демонстрирует паллиативный подход, разрешая вопрос об адресанте долга, но не о принадлежности самого цессированного права. Попытаемся восполнить это упущение.

4. Структурная модель фактической предпосылки правопреемства при цессии.

При макроуровневом взгляде - важнейшим условием успешной разработки доктрины добросовестного приобретения имущественного права по сделке с неуполномоченным лицом в отечественной цивилистике является, на наш взгляд, усвоение нашим правопорядком концепции классификационного подразделения сделок на обязательственные и распорядительные.

Благо применительно к институту уступки права (цессии) такое разделение, пожалуй, наиболее последовательно проводится и законодателем, и судебной практикой. Пункт 1 ст. 389.1 ГК РФ [1] разграничивает саму уступку (цессию, т.е. распорядительную сделку, "посредством которой право непосредственно переносится, обременяется, изменяется или прекращается"[4, с. 331]) и договор, на основании которого производится уступка (договор купли-продажи права (п.4 ст.454 ГК РФ) [1], факторинга, дарения права, мены, т.е. обязательственную сделку). Аналогичные подходы

давно утвердились и в практике судов (п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 54 "О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки" [8] (далее по тексту - Постановление Пленума ВС РФ № 54), п.1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 30 октября 2007 г. № 120 [8], Постановление Президиума ВАС РФ от 11 июня 2013 г. № 18431/12 и т.д.) [8].

Абстрактность, о которой мы говорили прежде, имеет отношение, конечно, к распорядительной сделке [24, с. 149].

Полезность такого деления сделок с точки зрения ограничения практики их оспаривания признают даже непримиримые противники самой модели [15, с. 375].

Нормативное подтверждение абстрактности цессии исследователи [25] [26] обычно находят в ст. 1106 ГК РФ [1], хотя такая интерпретация нормы встречает и возражения [15].

Если исходить из абстрактности цессии, то, по мнению Л.А. Новоселовой [18], даже при отсутствии (ничтожности) основания перехода, право цессионарию тем не менее переходит. При этом "должник, действовавший на основании уведомления о переходе права, должен считаться надлежащим образом исполнившим свои обязательства", а "последствия недействительности должны применяться между сторонами по недействительной сделке, в данном случае - по договору купли-продажи права".

Тут необходимо одно только уточнение. Все-таки абстрактность цессии сама по себе, не позволяет передать право, которого нет у цедента [15]. Эффект восполнения отсутствующего правопереносящего полномочия достигается накоплением необходимых элементов юридического состава (добросовестность, вручение исполнения и т.д.) посредством конвалидации.

Дискретность сделок (распорядительной и обязательственной) с точки зрения договорной техники (поскольку обычно обе сделки, сливаясь, имеют своим внешним выражением один документ) "визуализировал" Верховный Суд РФ в абзаце 2 п.5 Постановления Пленума ВС РФ № 54 [8]. Здесь указано, что в "договоре, на основании которого производится уступка, может быть также предусмотрено, что требование перейдет в момент совершения отдельного соглашения, непосредственно оформляющего уступку (отдельного двустороннего документа о переходе требования)". Причем, если "цедент уклоняется от подписания такого документа, исполнивший свои обязанности цессионарий вправе требовать перевода права на себя (статья 12 ГК РФ)".

Таким образом, переход права требования - вполне себе самостоятельный юридический акт, обособленный от другого, хотя и тесно взаимоувязанного с ним юридического акта - обязательственной сделки.

В такой конструкции, обязательственная сделка, совершенная неуправомоченным на передачу права лицом в пользу добросовестного приобретателя этого права, вполне может рассматриваться в качестве действительной. Применительно к близкой по природе (п.4 ст. 454 ГК РФ [1]) сфере оборота вещей основания для таких выводов содержит интерпретация правил об эвизкции (ст. 461 ГК РФ)[1]. Ведь именно потому, что сделка действительна, покупатель изъятой вещи и получает договорное требова-

ние к неуправомоченному продавцу. Конечно, такая сделка произведет лишь обязательственно-правовые последствия, и для достижения вещного эффекта безусловно потребуются еще действительная распорядительная сделка. Подробнее об этом: [5, с. 157-161]. Сразу оговоримся, что такое понимание природы последствий эвикции, конечно, не является единственно возможным [27, с. 6].

Традиционно, на различии обязательно - и вещно-правового эффекта договора строят свое отрицание ничтожности договора купли-продажи чужой вещи и некоторые зарубежные исследователи, например, Е. Годэмэ [28, с. 111]. Вывод о разнородности и соответствующем противопоставлении последствий эвикции, с одной стороны, и недействительности сделки, с другой стороны, - не редкость и для судебной практики (см. например, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.03.2015 N 306-ЭС14-929) [8].

В отличие от обязательственной сделки (в вещно-правовой сфере), "совершенная неуправомоченным отчуждателем распорядительная сделка по общему правилу недействительна, но она также может быть санирована наличием предусмотренных ст. 302 ГК РФ условий"[5, с. 147].

Так же и в сфере оборота прав. Наделения цессируемым правом по обязательственной сделке не происходит. Сделка производит исключительно обязательно-правовой эффект, связывая контрагентов (добросовестного приобретателя и неуправомоченного отчуждателя) взаимными правами и обязанностями (по оплате цессируемого права, передаче документов, его удостоверяющих и т.д.).

Аналогичная экстраполяция идей вещно-правовой эвикции содержится в абз. 1 п. 8 Постановления Пленума ВС РФ № 54 [8], где сказано, что "по смыслу статей 390, 396 ГК РФ невозможность перехода требования, например, по причине его принадлежности иному лицу или его прекращения сама по себе не приводит к недействительности договора, на основании которого должна была производиться такая уступка, и не освобождает cedenta от ответственности за неисполнение обязательств, возникших из этого договора. Например, если стороны договора продажи имущественного права исходили из того, что названное право принадлежит продавцу, однако в действительности оно принадлежало иному лицу, покупатель вправе потребовать возмещения причиненных убытков (пункты 2 и 3 статьи 390, статья 393, пункт 4 статьи 454, статьи 460 и 461 ГК РФ), а также применения иных предусмотренных законом или договором мер гражданско-правовой ответственности".

Эти выводы распространяются судебной практикой и на случаи повторной уступки одного и того же предмета требований. Так, в своем Постановлении от 17 апреля 2018 г. № 09АП-13847/2018 по делу № А40-235314/17 [8] Девятый Арбитражный апелляционный суд указал на непротиворечие закону более позднего из двух конкурирующих договоров цессии.

5. Условия конвалидации распорядительной цессионной сделки.

В отличие от обязательственной сделки, эффект исцеления сделки распорядительной (транспортной, как иногда говорят) в исследуемых нами случаях производится при наличии ровно тех условий, которые необходимы для перехода самого имущественного права от неуправомоченного лица.

Сама возможность такого перехода - дискуссионна, хотя наглядным примером продуктивного эволюционирования взглядов на эту проблему является, пожалуй, залоговое право.

Сторонники добросовестного приобретения залогового права исторически основывались на норме ст. 86 ГК РСФСР 1922 г. [41] о распространении ограничений виндикации на случаи залога чужого имущества. Возникла понятная аналогия с добросовестным приобретением вещей [29, с. 52]. Противники такого подхода возражали, что применение норм об ограничении виндикации относится к приобретению права собственности залогодателем, а не права залога - залогодержателем [30, с. 109]. Но эта точка зрения заметного распространения не получила.

В дальнейшем, на новой нормативной почве (ст. 157 ГК 1964 г. [8] о защите титульного владельца от виндикации - ст. 305 нынешнего ГК [8]), утвердились воззрения о действительности залога чужого имущества при наличии ряда условий, которые в современном контексте выглядели бы так: а) залогодержатель не знал и не должен был знать о том, что заложено чужое имущество, т.е. был добросовестным; б) заложено имущество, которое не было утеряно собственником или лицом, получившим его от собственника во владение, не было похищено у того или другого и не вышло из их владения иным путем помимо их воли [31, с. 240].

Нетрудно заметить, что абзацами 2 и 3 пункта 2 ст. 335 ГК РФ [1] в действующей редакции, законодатель придал этим рассуждениям нормативное воплощение, которое последовательно реализуется на практике (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.07.2018 № 14-КГ18-9 [8] и т.п.).

В контексте нашего исследования ценность рассуждений о возможности добросовестного приобретения залогового права заключена в их универсальности. Тем более что пример добросовестного залогодержателя - не единственный прямо санкционированный законодателем случай добросовестного приобретения имущественного права от неуправомоченного лица. Достаточно обратиться к сфере корпоративных прав, где выражением аналогичного подхода является норма п. 17 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" [2].

Отсутствуют препятствия к распространению схожей конструкции и, например, на случаи "сдачи неуправомоченным лицом в наем, т.е. возмездно, чужого имущества, вышедшего из владения собственника не помимо его воли", как это предлагается в доктрине [32, с. 143].

Эти рассуждения применимы к самому широкому кругу имущественных прав. Посудите сами. Статья 305 ГК РФ [1] предоставляет владельцу-несобственнику право на защиту его владения против собственника. Отсылая к статье 302 ГК РФ [1], закон позволяет титульному владельцу противопоставить иску собственника возражение о собственной добросовестности. Использование особого вещно-правового инструмента защиты предполагает отсутствие между сторонами обязательственных правоотношений, наличие которых, как известно, "исключает возможность предъявления виндикационного иска о защите этих правоотношений" и обязывает использовать другой инструмент - договорный иск [33, с. 113]. Виндикация исключена и в том случае, когда соответствующий договор расторгнут, прекратил свое действие или сделка недей-

ствительна. Упоминание в ст. 305 ГК РФ [1] договорного титула владения, стало быть, имеет в виду договор с несобственником вещи.

Справедливо, что "возможность приобретения права от неуправомоченного лица не исчерпывается сферой права собственности" [32, с. 143] и вполне приложима к обороту имущественных прав, в том числе - обязательственных, где базовым универсальным механизмом является цессия.

Для такого универсального вывода, впрочем, есть одно существенное препятствие. Во всех ранее рассмотренных нами случаях необходимым элементом правообразующего фактического состава являлось завладение вещью. Исторически некое внешнее проявление (видимость) движения материального блага (переход владения) потребовалось, поскольку защита добросовестного приобретателя зиждется на идее охраны стабильности именно оборота. И.Б.Новицкий в свое время отвергал возможность приобретения права требования от неуправомоченного лица именно потому, "что здесь, в обязательственном праве, нет такого внешнего основания добросовестного приобретения, какое при приобретении вещных прав заключается в ... факте владения"[34].

Владеть обязательственными правами в вещно-правовом смысле, конечно, невозможно [35, с. 156]. Но на роль искомого атрибута "квази-владения" вполне могут претендовать и другие индикаторы, например, наличие "оригиналов документов, подтверждающих долг (договор, акт и т.п.)" [23, с. 599], денунциация, регистрация перехода права, если таковая предусмотрена и, наконец, - вручение исполнения должником. Но об этом - чуть позже.

Для определения возможности и условий перехода обязательственного права по сделке с неуправомоченным лицом вновь вернемся к проблеме двойной уступки. Напомню, что по смыслу абзаца второго пункта 4 статьи 390 ГК РФ [1], согласно абзаца 2 п. 7 Постановления Пленума ВС РФ № 54 [8], в случае исполнения должником обязательства тому из конкурирующих цессионариев, который не имеет временного приоритета в переходе права, "риск последствий исполнения несет cedent или цессионарий, которые знали или должны были знать об уступке требования, состоявшейся ранее".

Повторюсь, что единодушно исключая возможность истребования исполненного должником в пользу добросовестного конкурирующего цессионария, исследователи расходятся во мнении относительно судьбы и принадлежности самого повторно цессированного права.

Так, М.Л. Башкатов считает, что ч. 2 п. 4 ст. 390 ГК РФ не устанавливает "принцип добросовестного приобретения права требования цессионарием" и "не заставляет правоприменителя признать право принадлежащим тому из конкурирующих цессионариев, кто доказал свою добросовестность" [36, с. 175].

В.А. Белов, напротив, расширительно толкует норму и допускает даже возможность предъявления добросовестными цессионариями по последующим уступкам требований к первоначальному цессионарию, в пользу которого исполнил обязательство должник [37, с. 121].

Э.Ю.Витоль просто констатирует, что исполнивший в пользу "последующего" добросовестного цессионария должник, тем не менее освобождается от долга, а сам такой цессионарий "защищен по правилам ст. 390 ГК РФ" [38, с. 114].

Как уже говорилось, из всех возможных вариаций и ситуативных сочетаний, нас, по сути, интересует только сценарий, при котором "поздний"/младший цессионарий является добросовестным, да еще и получившим исполнение от добросовестного должника в свою пользу. Из ч.2 п.4 ст. 390 ГК РФ [1] следует, что при таких обстоятельствах ни "первоначальный"/старший цессионарий, ни cedent, ни должник не вправе претендовать на отыскание полученного конкурирующим цессионарием исполнения, поскольку законодателем так распределен риск последствий произошедшей аномалии.

Сказать, что такое законодательное решение весьма нетривиально - значит ничего не сказать! С какой же стати закон пресекает типичные для данной ситуации правовые последствия?

Ведь до этого все было предельно просто и привычно: всего две вариации типовых правовых последствий. Первая - условно - "должник заплатит повторно" - характерна для ситуации, не осложненной добросовестностью ни должника, ни цессионария. В этом случае, как отмечает С.В. Сарбаш [23], между получившим исполнение лицом и действительным кредитором не имеется и не возникает каких-либо гражданских правоотношений. Зато возникает обязательство из неосновательного обогащения между псевдо-кредитором и должником, передавшим ему исполнение (см., например: Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.07.2000 N А42-1907/00-18; Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 15.11.2001 N А12-5776/2001-С32) [8].

Вторая вариация - условно назовем ее "заплатит принявший исполнение квази-кредитор" - возникает при добросовестности должника, который при всей осмотрительности и заботливости не мог сомневаться, что получающее исполнение лицо является управомоченным [23]. Когда приобретатель уже осуществил неосновательно переданное ему обязательственное право, и восстановление первоначального положения в соответствии со ст. 1106 ГК РФ [1] невозможно, потерпевший вправе истребовать от обогатившегося лица все то, что им было получено от реализации права (т.е. имущество, которое было передано ему должником). И лишь при невозможности возврата этого имущества в натуре (п. 1 ст. 1104 ГК) - вправе претендовать только на возмещение стоимости неосновательного обогащения в деньгах (п. 1 ст. 1105 ГК) [39] (см., также, п. 9 Обзора практики рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о неосновательном обогащении, одобренного Президиумом ФАС Уральского округа 17 апреля 2009 г.) [40].

Помимо этих двух вариаций законодатель теперь сконструировал в абзаце 2 п.4 ст. 390 ГК РФ третью, совершенно дивергентную модель, под условным названием - "ни должник, ни получатель исполнения не платят".

Ограждая добросовестного цессионария от "риска последствий", законодатель исключает взыскание уже и с него, в том числе и под видом неосновательного обогащения. То есть, повторюсь, пресекаются типичные правовые последствия набора юридических фактов, достаточного, при обычных условиях, для продуцирования кондикционного обязательства между конкурирующими цессионариями.

При проработке вопроса о том, что положено в основу такого законодательного подхода, невольно напрашивается аналогия с решением цивилистами схожей задачи

применительно к столь же паллиативному по своей формулировке пункту 1 ст. 302 Гражданского кодекса РФ 1994 г. [1] (а также - к ранее действовавшим нормам - п. 1 ст. 30 Закона РСФСР "О собственности в РСФСР" от 24 декабря 1990 г. [1], п. 1 ст. 54 Основ Гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г. [1], ч. 1 ст. 152 Гражданского кодекса РСФСР от 11 июня 1964 г. [1], ст. 60 ГК РСФСР 1922 г. [41, с. 27] с примечанием 1 к ней). В том случае законодатель также ограничился решением процессуального по сути вопроса - в виндикационном иске к добросовестному приобретателю должно быть отказано. Понадобились годы исследований, чтобы в отечественной цивилистике утвердилось мнение о том, что материальной подоплекой этого процессуального решения является возникновение права собственности у добросовестного приобретателя вещи [42, с. 42; 43, с. 66-70]. Хотя и эта точка зрения, будучи доминирующей, продолжала встречать в литературе возражения вплоть до появления ч.2 п. 2 ст. 223 ГК РФ [1].

Возвращаясь к ч.2 п.4 ст. 390 ГК РФ [1], полагаем, что такое неординарное законодательное решение, в свою очередь, может быть основано только на представлении о возможности наделения добросовестного приобретателя правом, которое при обычных обстоятельствах досталось бы "старшему" из конкурирующих цессионариев. Причем, поскольку в момент передачи права "последующему" цессионарию это право уже не принадлежало cedentу (абзац 1 п.4 ст.390 ГК РФ) [1], здесь присутствует феномен восполнения отсутствующего правопереносящего полномочия добросовестностью контрагента.

Как уже говорилось, для наступления эффекта конвалидации сделки между неуправомоченным cedentом и добросовестным цессионарием необходим еще один элемент фактического состава - предоставление исполнения добросовестным должником.

Это тот самый сложный юридический факт (сложность придает элемент добросовестности), который:

- 1) с точки зрения потребностей оборота заменяет видимость владения в вещно-правовом аналоге нашей ситуации;
- 2) блокирует правопрепятствующий факт и в полной мере задействует механизм абстрактности распорядительной сделки цессии.

Толкование нормы ч.2 п.4 ст. 390 ГК РФ в этом ключе присутствует и в судебной практике.

Обратимся вначале к п. 23 Обзора судебной практики № 4 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2018 г. [8] и к послужившему для него первоосновой Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.09.2018 по делу № 306-ЭС18-6395, А65-31611/2016 [8].

Как указывает Верховный Суд РФ, нормой п. 4 ст. 390 ГК РФ закрепляется следующее распределение рисков между cedentом и несколькими цессионариями:

при отсутствии исполнения со стороны должника надлежащим кредитором считается цессионарий, в отношении которого момент перехода требования наступил ранее;

в случае исполнения должником такому иному лицу риск последствий исполнения несет cedent или цессионарий, которые знали или должны были знать об уступке требования, состоявшейся ранее.

Соответственно, по мнению Верховного Суда РФ, для распределения рисков при двойной уступке одного права для ситуаций, когда исполнение должником уже осуществлено применяется дополнительный критерий добросовестности цедента и цессионария (в первоначальном Определении указано - "второго цессионария", что более точно). В свою очередь, "при отсутствии исполнения должником в качестве общего правила действует критерий момента перехода требования, указанный п. 4 ст. 390 ГК РФ".

Таким образом, с точки зрения законодательной техники норма абзаца 1 пункта 4 ст. 390 ГК РФ является общим правилом, а норма абзаца 2 того же пункта - исключением из него. То есть при двойной уступке есть общее правило - право переходит к старшему цессионарию - а есть исключение - право переходит к цессионарию-адресату исполнения. Ровно такая же логика содержится, например, в Постановлении Восемнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 31 января 2018 г. № 18АП-16052/2017, 18АП-16092/2017 по делу № А07-5362/2017 [8].

Факт вручения исполнения со стороны должника получает, таким образом, важное правообразующее значение и выполняет ту самую атрибутивную роль "квази-заместителя" видимости владения, если говорить о вещно-правовом аналоге. Такую роль могло бы, конечно, играть и уведомление должника о переходе права (денунциация). Английское право, к примеру, при определении приоритета отдает предпочтение добросовестному цессионарию, первым известившему должника о цессии, даже если требование было ему уступлено позже, чем другому цессионарию [44, с. 176]. По такому пути шла и отечественная судебная практика, до появления прямого законодательного регулирования (Постановление Президиума ВАС РФ от 11.06.2013 № 18431/12 [8]).

Однако исполнение как элемент фактического состава имеет несомненное преимущество, поскольку позволяет учитывать добросовестность должника, а также является следствием/продолжением денунциации и в этом смысле "вбирает" ее в себя с точки зрения накопления элементов фактической предпосылки.

Если рассуждать в контексте правовой идеи п.5 ст. 166 ГК РФ [1], то для запоздавшего цессионария, о котором говорится в абз. 2 п. 4 ст. 390 ГК РФ [1], поведение всех известных ему "вовлеченных" лиц после заключения сделки давало основание полагаться на ее действительность. В формировании этого обоснованного расчета наряду с поведением цедента важнейшим является и исполнение обязательства в его пользу со стороны должника.

Таким образом эффект конвалидации, будучи основанным на факте исполнения обязательства в пользу "младшего" из конкурирующих цессионариев, а также на добросовестности вручающей и принимающей исполнение стороны:

- 1) пресекает возникновение кондикционного обязательства, устраняя элемент неосновательности в конструкции приобретения;
- 2) производит эффект сингулярного преемства в повторно цессированном праве.

6. Возможности для экстраполяции подходов.

Подводя итог, отметим, что по причине сходства отношений вышеуказанные элементы юридического состава могут производить эффект конвалидации распорядительной цессионной сделки в пользу добросовестного цессионария и в иных слу-

чаях неуправомоченности цедента. Не исключено, конечно, что набор, сочетание и порядок накопления элементов фактической предпосылки будут различаться. Однако, ключевым элементом останется добросовестность, через призму которой схожие ситуации всегда оцениваются правоприменителем (Определение Верховного суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. N 305-ЭС17-14389 [8]).

Осмелюсь предположить в заключении, что и кругом обязательственных прав проблематика добросовестного приобретения не исчерпывается. Мы уже говорили о добросовестном приобретении, например, залоговых или корпоративных прав. Думается, что на это правовое явление уместно смотреть еще шире, - применительно к сфере оборота объектов интеллектуальной собственности [45] [46], и в частности, - товарных знаков [47].

* * * *

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. N 51-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 окт. 1994 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации: ввод. Федер. законом Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 52-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1994. - N 32, ст. 3301; Рос. Газ. - 1994. - 08 дек.

2. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон Рос. Федерации от 08 фев. 1998 г. N 14-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 14 янв. 1998 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 28 янв. 1998 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1998. - N 7, ст. 785; Рос. Газ. - 1998. - 17 фев.

3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

4. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007. 602 с.

5. Ушаков О.В. Добросовестное правоприобретение от неуправомоченного лица: дис. ... к. юрид. наук. Ижевск. 2014. С. 138 - 139.

6. Тузов Д.О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: Пандектное учение и современное право. М., 2006.

7. Короткова В.А. Эстоппель в гражданском праве // Опыт цивилистического исследования: Сборник статей (выпуск 2). М.: Статут, 2018.

8. СПС "Консультант Плюс".

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // Рос.газ. - 2015ю - 30 июн.

10. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. 528 с.

11. Акимова И.И. Формы и последствия отказа от осуществления права по договору в свете реформы российского гражданского законодательства // Опыт цивилистического исследования: Сборник статей (выпуск 2). М.: Статут, 2018;

12. Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. N 1. С. 28 - 74;

13. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018.

14. Церковников М.А. Ответственность продавца в случае изъятия товара у покупателя. М.: Статут, 2016. 136 с.

15. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут, 2010. 893 с.
16. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 05.01.2000 N А65-5803/99-СГ1-10// СПС "Консультант Плюс".
17. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 636 с.
18. Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. М.: Статут, 2003. 494 с.
19. Собрание законов и распоряжений Рабоче - Крестьянского Правительства СССР, 21.08.1937, № 52, ст. 221.
20. Российская газета, N 7-8, 13.01.2001, Бюллетень Верховного Суда РФ", N 3, 2001, Вестник ВАС РФ, N 2, 2001, Российская юстиция, N 3, 2001, Хозяйство и право, N 2, 2001.
21. Herbots J. Contract Law in Belgium. Deventer, Boston, 1995.
22. Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. С. 423.
23. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации/ отв. ред. А.Г.Карпетов. М.: Статут, 2017. 1120 с.
24. Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. М., 2000.
25. Вошатко А.В. Договор уступки и каузальная сделка // Очерки по торговому праву. Вып. 8. С. 33;
26. Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского права. М., 2005. С. 146.
27. Скловский К.И. Передача права и обязательство // Вестник ВАС РФ. 2008. № 7. С. 6-15.
28. Годэмэ Е. Общая теория обязательств. М., 1948.
29. Черепяхин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М., 1962.
30. Свердлов Т. О залоге // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 46.
31. Комментарий к гражданскому кодексу РСФСР/ отв. ред. С.Н. Братусь, О.Н. Садиков. 3-е изд. М.: Юридическая литература, 1982.
32. Рахмилович В.А. О праве собственности на вещь, отчужденную неуправомоченным лицом добросовестному приобретателю (к вопросу о приобретении права от неуправомоченного лица) // Проблемы современного гражданского права. Сборник статей/ отв. ред. В.Н.Литовкин, В.А.Рахмилович. М.: Городец, 2000.
33. Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л., 1955.
34. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1 // СПС "Консультант плюс".
35. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907). М.: Спарк, 1995.
36. Частное право и финансовый рынок: сборник статей / Л.С. Балеевских, М.Л. Башкатов, В.А. Белов и др.; отв. ред. М.Л. Башкатов. М.: Статут, 2014. вып. 2. 543 с.
37. Белов В.А. Изменения и дополнения положений Гражданского кодекса РФ о перемене лиц в обязательстве (общий обзор и комментарий) // Закон. 2014. № 9. С. 112-127.
38. Витоль Э.Ю. Природа ответственности cedenta // Вестник гражданского права. 2017. №4. С. 84-115.
39. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая: Учебно-практический комментарий (постатейный) (под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого) - Проспект, 2010. С. 1015.
40. Вестник ФАС Уральского округа. 2009. № 2. С. 43, 44.

41. Гражданский кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 сентября 1947 г. и с приложением постановочно-систематизированных материалов. М., 1948.

42. Амфитеатров Г.Н. Вопросы виндикации в советском праве // Советское государство и право. 1941. № 2.

43. Черепяхин Б.Б. Юридическая природа и обоснование приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя // Ученые записки СЮИ. Т. II. 1947.

44. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 2: М., 1998.

45. Сергеев А.П. Применение правил раздела II "Право собственности и другие вещные права" Гражданского кодекса РФ к отношениям интеллектуальной собственности // Закон. 2018. N 12. С. 87 - 95.

46. Протокол № 19 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 27.04.2018 // СПС "Консультант Плюс".

47. Сергеев А.П. Применение правил о виндикации к разрешению споров по поводу товарных знаков // Закон. 2017. N 1. С. 91 - 96.